

СПЕЦ. ЦЕНА

ЧИТАЙТЕ ВСЕ РОМАНЫ АЛЕКСАНДРЫ МАРИНИНОЙ:

Стечение обстоятельств
Игра на чужом поле
Украденный сон
Убийца поневоле
Смерть ради смерти
Шестерки умирают первыми
Смерть и немного любви
Черный список
Посмертный образ
За все надо платить
Чужая маска
Не мешайте палачу
Стилист
Иллюзия греха
Светлый лик смерти
Имя потерпевшего никто
Мужские игры
Я умер вчера
Реквием
Призрак музыки
Седьмая жертва
Когда боги смеются
Незапертая дверь
Закон трех отрицаний
Соавторы
Воюющие псы одиночества
Тот, кто знает. Опасные вопросы
Тот, кто знает. Перекресток
Фантом памяти
Каждый за себя
Замена объекта
Пружина для мышеловки
Городской тариф
Чувство льда
Все не так
Взгляд из вечности. Благие намерения
Взгляд из вечности. Дорога
Взгляд из вечности. Ад
Жизнь после Жизни
Личные мотивы
Смерть как искусство. Маски
Смерть как искусство. Правосудие
Бой тигров в долине
Оборванные нити
Последний рассвет
Ангелы на льду не выживают
Казнь без злого умысла

Адрес официального сайта Александры Мариной в Интернете
<http://www.marinina.ru>

АЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

МУЖСКИЕ ИГРЫ



МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М26

Маринина, Александра.

М26 Мужские игры / Александра Маринина. — Москва : Эксмо, 2024. — 448 с. — (А. Маринина. Меньше, чем спец. цена).

ISBN 978-5-699-88650-0

В Москве появился маньяк, задушивший в течение короткого времени семь человек. Крупный мафиози Эдуард Денисов дает сотруднику уголовного розыска Насте Каменской понять, что в деле маньяка-душителя есть загадка и по крайней мере одна из жертв не имеет отношения к серии, состоящей из семи убийств.

Занимаясь поисками маньяка, Анастасия с ужасом обнаруживает, что к преступлениям, по всей вероятности, причастен близкий ей человек.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Алексеева М.А., 2016

© Оформление.

ISBN 978-5-699-88650-0

ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Глава 1

— Ну что ж, если ко мне нет вопросов по текущим делам, на этом закончим.

Виктор Алексеевич Гордеев, которого подчиненные за глаза любовно называли Колобком, проводил свое последнее оперативное совещание в должности начальника отдела по тяжким насильственным преступлениям. С этого дня он назначен на вышестоящую должность в Министерстве внутренних дел. И с этого же дня у его подчиненных будет новый начальник.

Новый тоже был здесь, присутствовал на совещании с самого начала, вроде как в дело входил, хозяйство принимал. «Интересно, — думала Настя Каменская, — он хотя бы приблизительно представляет себе, до какой степени его здесь не хотят?» Вновь назначенный начальник отдела, судя по всему, не представлял себе этого, потому что оглядывал присутствующих с дружелюбной улыбкой, в которой мелькало даже что-то покровительственное. Дескать, я понимаю, ребята, каково вам было под этим толстым стариком, но со мной все будет по-другому, не беспокойтесь.

Ни самой Насте, ни ее коллегам «по-другому» не хотелось. Но они понимали, что изменить ситуацию не могут, поэтому придется менять отношение к происходящему. Да, не очень-то радостно начинался новый год.

— Теперь я представлю вам сотрудников, — сказал полковник Гордеев. — Подполковник Жерехов Павел Васильевич, заместитель начальника отдела.

Невысокий сутулый Жерехов привстал со своего места и изобразил условный приветственный кивок. Его лицо, покрытое ранними морщинами, не выражало ничего,

кроме усталости и безразличия. Но все сотрудники отдела знали, что за этим показным безразличием кроется почти физическая боль. Гордеев всегда был для него больше, чем просто начальником.

— Старший оперуполномоченный майор Коротков Юрий Викторович. Любит работать с раннего утра и до позднего вечера, а также в праздники и выходные дни.

Это было правдой. Дома у Короткова царил кромешный ад, и он старался бывать там как можно меньше.

— Старший оперуполномоченный майор Селуянов Николай Михайлович. Самый лучший топограф в МУРе, очень хорошо знает город, все улицы, переулки, тупики и проезды. Полтора месяца назад попал в автоаварию, поэтому еще некоторое время будет прихрамывать. Прошу вас дать ему возможность полностью восстановиться и некоторое время не посылать на задания, требующие физических перегрузок. Старший оперуполномоченный майор Каменская Анастасия Павловна. Рекомендую использовать ее на аналитической работе. Для меня она ежемесячно готовила справки об оперативной обстановке в Москве. Хотелось бы надеяться, что после моего ухода эта практика не будет прекращена. Оперуполномоченный капитан Лесников Игорь Валентинович... Оперуполномоченный капитан Доценко Михаил Александрович...

Гордеев представлял сотрудников, говоря о каждом несколько слов, так сказать, в порядке информации. Все по очереди вставляли, некоторые ухитрялись даже делать при этом приветливое лицо, но в основной своей массе народ притворной вежливостью себя не затруднял. Колобка все любили и его уход переживали болезненно. Новый руководитель был в их глазах изначально плох уже тем, что не был Гордеевым. А ведь у него наверняка есть и другие недостатки...

После совещания все разошлись по кабинетам, и уже минут через двадцать в здании на Петровке, 38 не осталось почти никого из сотрудников отдела. Работы было, как обычно, много: за четыре дня новогодних праздников печальный обычай лишать жизни тех, кто по каким-то причинам не нравится или мешает, не исчез, и даже наоборот, как водится, активизировался под влиянием алкоголя. Особенно тревожило появление в Москве очередно-

го маньяка. Об этом красноречиво свидетельствовали семь трупов, обнаруженных в разных концах Москвы. Семь человек были задушены совершенно одинаковым способом: преступник нападал сзади, обхватывал руками шею жертвы, слегка придушивал, нажимая на сонную артерию и перекрывая доступ кислорода в мозг, потом снимал с потерявшей сознание жертвы шарф или платок и душил, на этот раз до конца. Четверо мужчин и три женщины, ничем друг с другом не связанные — ни знакомством, ни деятельностью в одной и той же сфере бизнеса. Возраст потерпевших — от двадцати семи до сорока девяти лет. Время совершения преступления — после двадцати трех часов. Место — подъезды домов. Обычно такие дела Гордеев поручал Насте Каменской, в них требовался тщательный и глубокий анализ, потому что, как показывает практика, никаким другим способом маньяка не найдешь. Сегодня Колобок, словно «забыв», что уже не руководит отделом, поручил заниматься этими убийствами Насте, Селюянову и Мише Доценко. Новый начальник во время совещания ничего не сказал, но это не означало, что он не отменит решение Гордеева. Теперь он хозяин в своей вотчине, и плевать он хотел на указания своего предшественника.

Хлопнула дверь, в кабинет к Насте влетел Юра Коротков. Не говоря ни слова, он схватил со стола ключи, запер дверь изнутри и только после этого уселся напротив Насти, подтащив к ее столу свободный стул.

— Ты чего? — удивилась она.

— Ш-ш-ш, — Коротков прижал к губам палец. — Шепотом, пожалуйста. Новый барин отправился обходить владения. Народ разбежался, только мы с тобой остались. Сделаем вид, что нас тоже нет. А то прицепится с разговорами... Ну его.

Настя молча пожала плечами и взяла сигарету. Она не была сторонницей откладывания неприятных моментов. Если уж их нельзя избежать, так лучше сразу отмучиться. Еще в университете при всем паническом страхе перед экзаменами она всегда шла сдавать в первой же группе. Только однажды она не вошла в аудиторию с первой пятеркой сдающих. Это был экзамен по международному праву. Принимала его дама-профессор, которую все боя-

лись как огня, потому что было доподлинно известно, что она старая дева и люто ненавидит всех девушек-студенток, особенно хорошеньких или дорого одетых. Заодно ее неприязнь распространялась и на юношей, ибо они, как известно, предпочитают ухаживать именно за хорошенькими или дорого одетыми. Короче, пятерок она не ставила никому, а шанс получить четверку был только у самых замухрышистых. Всем остальным светили тройки и пары. Реальный уровень знаний в расчет не принимался. Настя тогда стояла в коридоре, пытаясь оттянуть момент неизбежной казни, но когда из аудитории стали постепенно выходить те, кто уже сдал экзамен, она подумала: «У них уже все позади. Счастливые! А я стою и терзаюсь неизвестностью. Нет, лучше уж сразу...»

— Если барин хочет познакомиться с крепостными поближе, он все равно это сделает, — тихонько сказала она. — Нам не вернуться.

Снаружи послышались шаги, кто-то сильно толкнул дверь, потом подергал ручку. Настя и Коротков замерли. Через несколько мгновений раздался затейливый стук. Так обычно стучали сотрудники, которые знали о Настинной привычке запирается в кабинете, чтобы спокойно поработать. Юра сделал предостерегающий жест: не открывай, это наверняка начальник, а не кто-то из своих. Человек за дверью еще некоторое время постоял, потом ушел.

— Юрка, это глупо, — прошептала Настя. — Ну что мы как дети, в самом деле! Пусть бы уже зашел и сказал все, что хочет.

— Настроения нет с ним общаться, — буркнул Коротков. — Ты слышала об убийстве Вавилова?

— Слышала. Им региональное управление занимается, как раз то, где он раньше работал. Сколько он на пенсии?

— Месяца три примерно. И чего ему, дураку, не работало? Ушел в банковский бизнес — и вот результат. А моя Лялька всю плешь мне проела, чтобы я увольнялся и начал зарабатывать человеческие деньги. Ей все кажется, что как только я сниму погоны, так сразу начну приносить домой какие-то немереные доллары. А то, что я после этого трех месяцев могу не прожить, ее почему-то не волнует.

— Не надо так, Юра. Просто она этого не понимает. Она же видит вокруг себя живых, хорошо обеспеченных людей, откуда ей знать, как часто они умирают не своей смертью. Это мы с тобой на трупах каждый день сидим, а у нее взгляд другой. Не придирайся к ней. Кстати, надо бы Владика Стасову позвонить, сказать про Вавилова, они же когда-то вместе работали. Стасов наверняка захочет пойти на похороны.

— А давай напросимся к нему в гости. Там, говорят, знатную выпечку дают, — предложил Коротков.

— Говорят, — усмехнулась Настя. — А еще говорят, что там и без нас не повернуться. Трое взрослых и Лилька в придачу, у нее сейчас каникулы в школе, и она целыми днями торчит рядом с обожаемыми тетей Таней и тетей Ирой.

— Ну, где четверо, там и мы с тобой поместимся. Тихо, кажется, опять шаги.

Юра не ошибся, по коридору действительно кто-то шел и снова остановился рядом с дверью. Дернулась ручка, потом раздался требовательный стук.

— Анастасия Павловна, откройте, пожалуйста.

Коротков отрицательно покачал головой, но Настя резко встала, нарочито громко стукнула дверцей сейфа и повернула ключи в дверном замке. На пороге возник новый начальник Владимир Борисович Мельник.

— Запираетесь от начальства? — спросил он, впрочем, довольно беззлобно.

— От посторонних, — коротко ответила Настя. — Мы смотрели материалы разработок. Сами знаете, по инструкции о соблюдении режима секретности...

— Да-да, конечно, — перебил ее Мельник. — Извините, что помешал. Но раз уж вы все равно меня впустили, дайте-ка поговорим о вашей аналитической работе. Я могу посмотреть справки, которые вы готовили для Гордеева?

Настя молча открыла сейф и достала толстую папку с экземплярами справок.

— Здесь материалы за два последних года. Если вам нужны более ранние справки, я достану. Они в другой папке.

— Пока не нужно, благодарю вас. Я для начала позна-

комлюсь с этими. Ну-ка скажите мне навскидку, много непойманных душегубов по Москве гуляет?

— Сотни три примерно.

— Что ж вы так? Непорядок, — попытался пошутить начальник.

— Извините. Как можем, — сухо ответила Настя.

У нее не было настроения шутить, тем более с Баринном (получалось, что прозвище для нового шефа родилось в первый же день и имело все шансы на успешное закрепление в рядах сотрудников). Владимир Борисович, однако, показал себя человеком чутким и достаточно тонким и педалировать легкий тон беседы не стал.

— Я понимаю, вам трудно расставаться с Виктором Алексеевичем, — неожиданно тепло произнес он, — и мне какое-то время придется сталкиваться с вашим неприятием. Я не в обиде, сам бывал в вашем положении, и неоднократно. Как вы считаете, уместно ли мне будет присоединиться к вам сегодня вечером? Виктор Алексеевич меня пригласил, но мне кажется, что я там буду лишним. В то же время пренебрегать приглашением некрасиво. Что вы мне посоветуете?

Настя не сумела скрыть удивления. Оказывается, Барину не чуждо чувство такта и меры! Действительно, Гордеев пригласил сегодня весь отдел к себе домой на «проводы». И Мельник был в числе приглашенных. С точки зрения тактики вхождения в должность это было грамотно: есть возможность сразу познакомиться со всеми новыми сотрудниками. И в то же время опасно с точки зрения выстраивания иерархических отношений: не должен новый начальник в первый же день пить с подчиненными. Эдак и до панибратства недалеко. Виктор Алексеевич устроил своему преемнику простенький экзамен. Примешь приглашение, поучаствуешь в совместной с подчиненными пьянке и допустишь оплошность — значит, дурак, легких путей ищешь. Не примешь, побоишься — значит, предостроительный, но трусливый. Придешь, выпьешь вместе со всеми, но сумеешь сохранить дистанцию — значит, годишься. Мельник, похоже, был в своих силах не уверен и искал в двоих случайно подвернувшихся подчиненных моральную поддержку.

— Пренебрегать приглашением нельзя, тут вы пра-

вы, — с плохо скрываемым злорадством произнес Коротков. — Тем более народ может подумать, что вы пить не умеете, рюмку не держите, и ваши акции сразу упадут. Виктор Алексеевич дает вам шанс проявить себя и завоевать наше уважение.

— Ну что ж, — усмехнулся Барин, — коль вы так вопрос ставите, то я, конечно, приду. Хотел деликатность проявить, я ведь понимаю, что я для вас чужой, которого не хочется видеть в узком кругу. Но если вы вместо теплого прощания с начальником собираетесь устроить мне смотрины, то уклоняться я не вправе. Задания вы все утратили, так что прошу к шести часам ко мне на доклад: что сделано, а что не сделано и почему. Всего доброго.

Настя и Коротков оторопело смотрели на закрывшуюся за ним дверь.

— Однако, — наконец протянул Юра. — Мужичок с характером.

— Да уж. Интересно, вечерний доклад у него в репертуаре весь сезон или только сегодня в честь премьеры?

— Поглядим. Ладно, Ася, я побегу, дел действительно по уши. Я тебе что-нибудь должен?

— Ты мне обещал сведения о предыдущих местах работы за последние пять лет по всем потерпевшим, которых нашли задушенными. Поскольку официально этим заниматься должны Селуянов и Мишаня, а не ты, я взамен тебе тоже что-нибудь сделаю.

— Напиши за меня отчет о командировке, а? Я же тебе все подробно рассказывал, чем в Краснодаре занимался. А у меня на писанину столько сил уходит — ужас! Я их лучше на что-нибудь полезное потрачу. Например, на твоих задушенных.

— Идет, — согласилась Настя.

Да, при Гордееве можно было делать и так. Для Колобка всегда важным был результат, и он позволял подчиненным перераспределять между собой задания, лишь бы дело делалось быстро, четко и эффективно. Как новый Барин посмотрит на такую практику? Виктор Алексеевич Гордеев с пониманием относился к тому, что Коротков, как, кстати, и Коля Селуянов, терпеть не могли бумажную работу и письменные фразы выдавливали из себя с не-

имоверным трудом, затрачивая на это массу сил и времени. Он прекрасно знал, что частенько бумаги пишет за них Каменская, которая делает это легко и быстро. При этом сама Каменская, знаменитая своей фантастической ленью и нелюбовью к поездкам по всему городу, пользовалась услугами коллег для поиска различной информации.

* * *

День проходил как обычно. И только в седьмом часу вечера случилось неожиданное. На столе у Насти звякнул внутренний телефон, и голос Барина произнес:

— У вас есть справка за год с разбивкой по округам?

— Пока нет. Все материалы к ней готовы, их только нужно свести вместе и сделать графики для наглядности сравнения, — ответила Настя, изо всех сил стараясь скрыть изумление.

— Мне нужна такая справка немедленно. В вашем распоряжении двадцать минут.

И все. Ни тени сомнения в том, что приказ будет выполнен. Ну и как же его выполнять, приказ этот? Надо срочно искать свободный компьютер, да не любой, а тот, в котором есть программы, позволяющие строить графики и диаграммы. Мечась по огромному зданию ГУВД в поисках компьютера, умоляя пустить на полчаса поработать, судорожно komponуя текст и вводя данные для построения графиков, Настя с недоумением думала: а зачем, собственно, все это? Почему такая срочность? Не иначе из министерства очередной циркуляр пришел, готовят коллегию по итогам года. Никакого другого объяснения настойчивости начальника она придумать не могла. Ни для чего другого годовая справка со срочностью «двадцать минут» просто не могла понадобиться. Да еще с разбивкой по округам... Нет, пожалуй, министерство тут ни при чем, оно занимается всей Россией, а для всей России городские округа значения не имеют. Там счет идет на целые области. Скорее всего дело в руководстве ГУВД. Также, конечно, необычно, потому что руководство ГУВД никогда аналитической работой особенно не интересовалось. То есть вид, конечно, делало, и функции соответст-

вующие на штаб возлагало, но уровень этой аналитики был, прямо скажем... Тот факт, что руководители этим уровнем вполне удовлетворялись, говорил об их невзыскательности и нетребовательности. И о том, кстати, что вообще-то они аналитическую работу в грош не ставят и смысла в ней никакого не видят. Наверное, случилось что-то из ряда вон выходящее, раз потребовался аналитический материал, да еще в течение двадцати минут.

Разумеется, в установленный начальником срок Настя не уложилась. Из отведенного ей времени пятнадцать минут ушли на поиски свободного компьютера. Еще через пять минут майор Каменская как человек дисциплинированный позвонила Барину и доложила, что справка не готова и ей нужно еще минут двадцать — двадцать пять. Барин помолчал, потом сказал, что ждет материал как можно скорее, но голос у него при этом был такой, словно ему сообщили, что весь год зарплату давать не будут. Настя понимала, что шеф недоволен, переживала из-за того, что задерживает выполнение срочного задания, нервничала, ошибалась, а от этого нервничала еще больше. Наконец материал был готов и распечатан. Она сложила листы в папку и помчалась к кабинету Мельника. Метров за тридцать до двери начальника она замедлила шаг, стараясь отдышаться, чтобы не представлять пред ясные руководящие очи красной, растрепанной и запыхавшейся. Тем более в кабинете у Барина вполне может оказаться кто-то посторонний.

Вежливо постучавшись, она вошла в кабинет, где много лет сидел Виктор Алексеевич Гордеев, и оторопела. За столом, на месте Гордеева, сидел, конечно, Владимир Борисович Мельник, но это было по крайней мере ожидаемо. А вот человека, сидящего сбоку, за приставным столом для совещаний, Настя уж никак не ожидала здесь увидеть, хотя и знала, что он бывает на Петровке, и нередко. Неужели это для него Барин так расстарался со справкой? Да нет, быть этого не может, одернула себя Настя. Наверное, Леня пришел по своим делам, а вопрос с аналитическими материалами возник параллельно. Просто совпало по времени.

— Разрешите, Владимир Борисович? — сказала она,

подходя к столу начальника и протягивая ему папку с материалами.

— Очень долго, — сухо ответил Мельник. — В вашем подразделении всегда такой уровень оперативности?

— Нет, обычно он еще ниже, — так же сухо ответила Настя. — Сегодня я постаралась работать быстрее, чтобы произвести на вас хорошее впечатление. Товарищ полковник, если бы у меня на рабочем столе стоял компьютер, справка была бы готова через десять минут. Мне пришлось искать место, чтобы сделать материал. Львиная доля времени, которое вы мне отвели, была потрачена на беготню по коридорам.

Она старалась не смотреть на Леонида Петровича. Забыть, что это ее отчим. Забыть, что это муж ее матери. Забыть, что это человек, который ее вырастил и воспитал, которого она горячо любила и всю сознательную жизнь называла папой. Забыть, что они виделись несколько дней назад, а в ближайшую субботу мама и Леня ждут Настю с мужем на обед. Ей было неприятно получать выволочку в присутствии отчима.

— Я могу быть свободна, Владимир Борисович?

— Да, идите, — кивнул Мельник, не глядя на нее.

Настя вернулась к себе, чувствуя, как внутри у нее все кипит от ярости. Хоть бы спасибо сказал, утюг ржавый. Интересно, он знает о ее родстве с Леной или нет? Наверное, не знает, иначе обязательно отпустил бы какую-нибудь плоскую шутку по этому поводу. У Насти пока еще не было возможности проверить остроту чувства юмора у нового начальника, но она была заранее уверена: шутки Барина могут быть только плоскими.

Она попыталась взять себя в руки и успокоиться. Достала кипятильник, сунула его в высокую керамическую кружку с водой и включила. Надо выпить кофе и остыть. Господи, ну почему Колобок их бросил? Почему ушел, отдав на растерзание этому... Она стала искать термин поязвительнее, но ничего умного в голову не приходило. Одно слово — Барин. Лучше и не скажешь.

Вода в кружке уже закипела, когда дверь распахнулась. На пороге стоял Леонид Петрович, и вид у него был одновременно смущенный и насмешливый.

— Привет, папуля, — улыбнулась Настя. — Кофе будешь?

— Давай.

Отчим снял дубленку, небрежно бросил ее на свободный стол, стоящий в углу, и подошел к Насте, чтобы расцеловать ее.

— Эй, да ты вся в испарине, — озабоченно заметил он, коснувшись губами ее лба. — Не заболела ли?

— Нет, не волнуйся. Это от беготни и от злости одновременно. Ну как тебе нравится этот самодур? Двадцать минут — и все, хоть сдохни. Что у него за пожар, не знаешь?

— Ребенок, не сердись... — Леонид Петрович помялся. — Это для меня.

— Что — для тебя? — не поняла Настя. — Справка для тебя?

— Ну да. Я же прихожу к вам регулярно каждый месяц, прошу всякие материалы, которые можно использовать в учебном процессе. Собираю с миру по нитке передовой опыт и все такое. Пришел-то я к Гордееву, я ж не знал, что с сегодняшнего дня у вас новый начальник. Ты мне говорила, что Виктор уходит, но я не думал, что так скоро... Одним словом, зашел в кабинет, смотрю — там чужой кто-то. Представился, объяснил, зачем пришел. А он тут же принялся кнопки нажимать и указания давать. Честное слово, я его не просил об этом и уж тем более не требовал, чтобы материалы мне дали через двадцать минут. Это была его инициатива.

— Ну конечно, — зло сказала Настя. — Он проявил инициативу, а ты с удовольствием ее поддержал. Тебе, наверно, очень понравилось, что ради тебя кнопки нажимают и людей на уши ставят, хотя никакой необходимости в этом нет. Папа, я никогда не подозревала в тебе такого барства. Почему ты его не остановил? Сказал бы, что это не срочно. Или вообще ушел бы. Почему ты позволил ему изгаляться надо мной? И вообще, зачем ты к нему пошел? Ты же знаешь, что эти справки делаю я, и всегда брал их именно у меня, а не запрашивал официальным путем.

— Ребенок Настя, не злись. Я не мог знать, что для тебя это будет так сложно.

— Да какая разница, сложно или нет! — взорвалась

она. — Даже если не сложно, все равно, зачем ты позволяешь ему корчить из себя курбаши? Неужели тебе самому не противно? Это же типичные замашки крутого босса, гадкие, хамские, а ты поддерживаешь его и с удовольствием участвуешь в этом спектакле. Прости, папуля, но от тебя я этого никак не ожидала.

Леонид Петрович примирительно улыбнулся и полез за сигаретами.

— Перестань, ребенок, — спокойно сказал он. — Тебе не нравится Мельник, это за версту видно, поэтому каждое лыко получается в строку. Ты столько лет работаешь в мужском коллективе, а так и не научилась понимать мужские игры. Да, ему приятно нажимать кнопки и отдавать приказания, которые быстро исполняются. Ну и что в этом плохого? Да, и мне было приятно, что для меня, начальника кафедры, твой шеф так старается. Мы — мужчины, у нас свой взгляд, свои мерки. Глупо нас за это осуждать. И перестань дерзить начальнику, это непрофессионально. Держи себя в руках. Ты домой собираешься?

— Пока нет. Рано еще, у меня куча дел не сделана.

— Ну смотри, а то подвезу до метро. Так как?

— Нет, папуля, — Настя тоже начала улыбаться. — Спасибо тебе. Я еще поработаю. И потом, сегодня Колобок дает прощальный бал, мы все у него собираемся.

— Про субботу не забыла?

— Да ты что! — возмутилась она. — Лешка уже весь обмечтался насчет твоих жареных цыплят.

— Когда он улетает?

— Через неделю.

— На три месяца?

— Чуть меньше. В конце марта вернется.

— Не соскучишься?

Настя вскинула на отчима удивленные глаза.

— Пап, ты ж меня знаешь.

— Знаю, знаю, — вздохнул Леонид Петрович. — Кошка ты и гуляешь всю жизнь сама по себе. Ты даже по маме не скучала, пока она за границей жила. Ладно, если отказываешься со мной ехать, тогда я пойду, пожалуй. В субботу к пяти часам, не забудь.

Он поцеловал Настю, оделся и ушел.

Ей стало грустно. Вот и начал проявляться новый на-

чальничек. Конечно, приятно, что к науке он относится без ставшего уже давно хорошим тоном пренебрежения. Кинулся организовывать материал для кафедры оперативно-розыскной деятельности одного из милицейских вузов. Другой бы сморщился, как от кислого лимона, да попытался отделаться от посетителя побыстрее, а этот — нет. Ладно, время покажет, какой он, Владимир Борисович Мельник. Но все равно Гордеев был лучше. Гордеев — это Гордеев. Его даже неприлично сравнивать с кем бы то ни было.

Около восьми вечера явился Юра Коротков. На лице у него было написано тревожное недоумение. Минут пятнадцать он старательно излагал Насте результаты сегодняшних изысканий в части биографий людей, погибших от руки неизвестного душителя-маньяка. Настя слушала внимательно, записывала, делала какие-то пометки в ею же изобретенных схемах. Пока ничего не высвечивалось. Не было единого признака, который объединял бы всех семерых потерпевших. Кроме того, естественно, что они оказались поздним вечером в пустом подъезде.

Она убрала со стола бумаги и поднялась.

— Ничего у нас не получается пока, Юрик. Ладно, поехали к Колобку, авось под влиянием алкоголя что-нибудь в голову придет.

* * *

Печка в машине работала исправно, и, несмотря на суровый мороз, водитель и пассажир сидели без перчаток и в расстегнутых пальто.

— Что ж, поздравляю с первым выпуском, — говорил пассажир, полуобернувшись в сторону водителя. — Насколько я знаю, он прошел успешно. Как планируете осуществлять второй набор?

— С этим проблемы, Виталий Аркадьевич. Мой заместитель настаивает на другом принципе отбора кадров. И систему подготовки отстаивает другую. У меня нет аргументов, которые позволили бы не согласиться с ним.

— Как это нет аргументов? — удивился пассажир. — Разве успешная подготовка первой группы специалистов — это не аргумент?

— К сожалению, нет. Пока нет, — уточнил водитель. — Они только сдали выпускной экзамен, а как они будут работать в полевых условиях — неизвестно. Хотелось бы надеяться, что провалов не будет.

— А что предлагает твой зам?

— Зеленин против того, чтобы готовить людей в условиях казармы. Он считает, что этим нарушается процесс социализации. Как только человека изымают из общества, из обычной повседневной жизни, он якобы перестает быть адекватным. Я не сторонник такой позиции, но мой заместитель много лет занимался наукой, и мне трудно с ним спорить. Он начинает приводить такие доводы... Короче, я хотел вас просить, чтобы вы вынесли свое решение по этому вопросу.

— Да какое ж тебе решение еще нужно? Ты — начальник. Ты — руководитель. Зама своего не можешь к порядку призвать? Тогда грош тебе цена как начальнику.

— Виталий Аркадьевич, не все так просто. У Зеленина сильная поддержка в ваших кругах. Вспомните, это не я его нашел, это вы мне его рекомендовали. И сказали, что Зеленин — кандидатура вашего шефа. Я был бы вам признателен, если бы вы утрясли этот вопрос с ним.

— Хорошо, я поговорю. Но тебе хочу сказать: не дело это, когда начальник боится своего заместителя. Должно быть наоборот. Остановись на углу, дальше я пешком пройду.

Виталий Аркадьевич тяжело вынес свое крупное тело из машины и пошел, не оглядываясь, в сторону большого здания на Краснопресненской набережной. Через двадцать минут он уже сидел в своем кабинете, обшитом дубовыми панелями.

— Почту посмотрите, Виталий Аркадьевич? — спросила хорошенькая секретарша.

— Оставь, — царственно кивнул он. — И сделай мне чаю, замерз я что-то. Из гаража не звонили насчет машины?

— Звонили. Трамблер надо менять. Обещали к вечеру сделать.

— Ну и хорошо, — снова кивнул он. — А то мне уж неловко знакомых затруднять, просить, чтоб подвезли.

Секретарша вышла, а Виталий Аркадьевич минуту подумал и снял трубку аппарата прямой связи.

— Василий Валерианович, — официально произнес он, — разрешите зайти?

Вообще-то Василий Валерианович был для него просто Васей, но Виталий Аркадьевич знал привычку своего шефа разговаривать по громкой связи. И если в эту минуту в кабинете у Васи кто-то был, совсем не нужно, чтобы он узнал о неформальных отношениях двух сотрудников аппарата правительства.

Василий Валерианович, высокий, худой, с длинным морщинистым лицом и очками в тяжелой оправе, встретил его дежурной улыбкой. Он улыбался всегда, даже когда был зол, даже когда пребывал в ярости. Улыбка у него была какая-то кривая. Впрочем, лишь немногие знали, что это следствие перенесенного несколько лет назад микроинсульта.

— Мне надо поговорить с тобой о проекте, — начал Виталий Аркадьевич, усевшись в неудобное, слишком жесткое для него кресло. — Первый этап закончен, пора переходить ко второму. И здесь возникли некоторые проблемы.

— Какого рода проблемы?

— У Стоянова не получается взаимодействие с твоим протеже Зелениным. У них разные концептуальные подходы к методам реализации проекта. Надо бы снять разногласия, Вася, не ожидая, пока они передерутся. Скажи, ты этому Зеленину что-нибудь должен?

— Естественно, — процедил сквозь зубы Василий Валерианович. — Иначе разве стал бы я его рекомендовать? Какие разногласия нужно снимать? Они деньги не поделили, что ли?

— Не в деньгах дело, Вася. Они получают одинаково. Дело в подходах. На первом этапе мы позволили Стоянову реализовать тот подход, который он сам предлагал. Теперь Зеленин настаивает на том, чтобы подход к комплектованию команды и методам подготовки был изменен. Стоянов...

Виталий Аркадьевич замаялся. Ему не хотелось кривить душой перед Василием, слишком давно и хорошо они

знали друг друга, чтобы играть в кошки-мышки. Но и подставлять под удар Стоянова, свою креатуру, он не хотел.

— Да, так что Стоянов? — нетерпеливо переспросил Василий.

— У меня такое впечатление, — осторожно начал Виталий Аркадьевич, — что Стоянов согласен со своим заместителем. Понимаешь? В глубине души он согласен. Признает правоту Зеленина. Но вслух заявить об этом не может. Ну, ты же сам понимаешь, мужские игры. Нельзя соглашаться с заместителем, который стоит в оппозиции. Это неправильно с управленческой точки зрения. Поэтому Стоянов хочет, чтобы ему приказали. Тогда он сумеет сохранить лицо.

— Ишь ты, — хмыкнул Василий. — И кто же возьмет на себя труд отдать приказ? Ты хочешь, чтобы это сделал я?

— А кто же еще? Конечно, ты. Зеленин — твой человек. Мое слово для него ничего не значит.

— А Стоянов — твой, — возразил Василий.

— Но руководишь проектом ты. Это была твоя идея, твое детище. И ты, Вася, должен принять решение, каким делать второй набор. Таким, как предлагает Зеленин, или таким, как предлагает Стоянов.

Василий Валерианович, до этого задумчиво прошагивавший по просторному кабинету, остановился и присел на краешек длинного стола.

— Виталий, я понимаю, чего ты хочешь. Ты боишься брать на себя ответственность, потому что не являешься профессионалом в том деле, которое мы затеяли. Но и я в нем не компетентен. Именно поэтому мы поставили Стоянова и Зеленина, которые хорошо знают дело. Разобраться, кто из них прав, мы с тобой не можем.

— Но и загубить второй набор мы не имеем права, — вставил Виталий Аркадьевич.

— Вот именно, — кивнул Василий. — Поэтому решение нужно принимать стратегическое. Я имею в виду, что каким бы ни был второй набор, мы не должны ставить под удар саму идею проекта. Не забывай, я его придумал, но деньги под него дают другие. Не будет финансирования, не будет и проекта. Зеленин — не просто мой человек. Он рекомендован мне теми, кто финансирует наше дело.